

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Зарубина Н.Н., доктор философских наук, МГИМО, Москва

Аннотация. Необходимость формирования в России инновационной экономики в качестве альтернативы ее сырьевой ориентации не вызывает сомнений. Поэтому инновационное развитие России в последние годы стало предметом исследований, и ученые разных специальностей, прежде всего экономисты и социологи, уже сделали ряд интересных выводов. Показательно, что их оценки нередко весьма существенно расходятся и даже противоречат друг другу. Так, с одной стороны, констатируются неудовлетворительные показатели инновационного развития России: в 2013 году в Глобальном индексе инноваций Россия занимает 62 место из 142.

Annotation. A forming necessity for Russia of innovative economy as an alternative of her raw material orientation does not cause doubts. Therefore innovative development of Russia became the article of researches the last years, and the scientists of different specialities, foremost economists and sociologists, already did the row of interesting conclusions. Model, that their estimations quite often very substantially go away and even conflict with each other. So, from one side, the unsatisfactory indexes of innovative development of Russia are established: in 2013 in the Global index of innovations Russia occupies 62 place from 142.

По показателям доли инновационной продукции, внедрения инноваций на российских предприятиях и доли принципиально новых для рынка товаров Россия в разы отстает не только от экономически развитых стран, но и, например, от Китая. Сами россияне прекрасно отдают себе отчет в отставании страны в области инновационного развития. Так, более половины опрошенных согласны с тем, что наша страна слабее развитых стран мира в области внедрения инноваций в промышленности, и еще больше — почти 2/3 респондентов, высказались подобным образом об уровне внедрения технических новинок в повседневную жизнь.

С другой стороны, выявлены социокультурные факторы, коррелирующие с инновационным развитием. По методике Ш. Шварца, пользующейся большой

популярностью у исследователей, это такие ценности, как самостоятельность, открытость к изменениям, ориентация на риск, а также универалистские нравственные и социальные ориентации.

Согласно исследованиям, проведенным по данной методике, российская молодежь не уступает представителям более «инновационных» обществ, а в чем-то даже превосходит их: «по креативности и способности к инновациям наши студенты не отличаются от американских и канадских, даже в чем-то превосходят их»

Так в чем же тогда причина столь очевидной противоречивости инновационного развития России? Почему в нашей стране, при явной предрасположенности, и уж, во всяком случае, отсутствии враждебности к инновациям со стороны населения, налицо явное отставание страны в производстве и внедрении инноваций, в переходе экономики на инновационный тип развития? Некоторые исследователи склонны видеть причины этому в том же «культурном барьере», менталитете русского народа

Однако является ли такая точка зрения обоснованной? Можно ли утверждать, что русская культура враждебна инновациям и блокирует их? Чтобы ответить на этот вопрос, следует сначала выяснить социокультурную природу инноваций и инновационного развития. Прежде всего, необходимо перейти от узкого экономического определения инновации как «продукта (новая конструкция, технология, организационный прием и т.п.), воплощенного в товаре, который пользуется спросом на рынке в силу своей новизны», а рассматривать их в более широком социокультурном и историческом контексте.

Как хорошо известно, инновативность минимальна в традиционных культурах, характеризующихся устойчивостью и сбалансированностью отношения человека к мирозданию, а также преобладанием приписанных социальных статусов. Здесь личность в ходе социализации получает набор знаний и навыков, вполне достаточный для ориентации и полноценного участия в повседневных практиках. В таких обществах и культурах, как

отмечает А.С. Панарин, нет «свободного» знания, нет «зазора» между практически используемыми и приобретаемыми знаниями: знания человека о мире и его практические навыки обращения с объектами тождественны его картине мира.

Предпосылки для инновационного развития возникают вместе с напряженностью между сознанием и бытием человека, между мирским и сакральным, посюсторонним и трансцендентным. Инновативность как качество сознания и мышления, менталитета и культуры, а также готовность к внедрению инноваций как качество цивилизации, проявляются при возникновении «осевого времени», то есть, по выражению К. Ясперса, с осознанием человеком «самого себя и своих границ, ужаса мира и собственной беспомощности».

Э. Фромм, в свою очередь, отмечает, что «стремление к прогрессу не является врожденным свойством человека, противоречивость его существования — вот что заставляет человека двигаться вперед... Будучи изгнанным из рая, утратив единство с природой, человек стал на путь вечного поиска, превратился в вечного странника (Одиссей, Эдип, Авраам, Фауст); он вечно должен идти вперед, открывая все новые и новые области неизвестного, заполняя пробелы в своих знаниях». Таким образом, инновации возникают как разрешение противоречия, проблемы, результат живой заинтересованности, ангажированности человека, и его жертвенной аскезы ради преодоления разрыва с мировым целым. Блокируют инновационное развитие такие формы культуры, которые ориентированы на узко практическое, утилитаристское отношение к миру, препятствующее выходу за рамки очевидного и само собой разумеющегося, замыкающие человека в попытках приспособиться к окружающему миру, вместо того, чтобы изменять его. Одним из поворотных моментов в истории мировой цивилизации стало европейское Просвещение, инициировавшее не только новый взгляд на мироздание, но и формирование базовых институтов общества модерна — современного рационального научного знания, адекватной ему системы массового образования, а также

рынка, капиталистического предпринимательства и т.д. Анализируя механизмы инновационного развития общества, сформированные в эпоху Просвещения, А.С. Панарин вывел несколько «формул прогресса». Их суть состоит в том, что для обеспечения инновационного развития общества скорость приращения фундаментального знания должна превышать скорость приращения отраслевого и прикладного знания. Рост общетеоретической подготовки должен опережать темпы узкопрофессионального образования. Возрастание времени учебы должно опережать рост рабочего времени и прирост времени досуга должен опережать рабочее время. Эти формулы представляют собой методологические основания, с позиций которых можно рассмотреть противоречия инновационного развития современной России, обнаружить причины их возникновения и наметить пути разрешения.

Использование данной методологии позволяет заключить, что причины противоречивости инновационного развития современной России следует искать не в сфере собственно культуры, которая в России всегда отличалась напряженностью нравственных исканий и глубокой озабоченностью высшими, трансцендентными смыслами бытия, а в тенденциях модернизационного развития последних десятилетий и в обусловленных ими трансформациях институциональной сферы. Чтобы выявить причины отставания России в области инноваций, а также неудачи попыток структурной перестройки экономики с сырьевых на инновационные отрасли, рассмотрим динамику институтов российского общества, наиболее тесно связанных с генерированием и внедрением инноваций.

Наука и образование как институциональные предпосылки инновационного развития России М. Вебер в известной работе «Наука как призвание и профессия» подчеркивает, что смыслом научной работы являются не прикладные знания, не технические усовершенствования производства и повседневной жизни, а научный поиск как таковой, ради знания самого по себе, даже с учетом того, что и самые выдающиеся открытия со временем будут опровергнуты, и никогда не дадут человечеству законченной и

непротиворечивой картины мира. На такое «знание ради знания» и ориентирована фундаментальная наука. Безусловно, она стоит дорого, а эффект от ее достижений бывает отсрочен на многие годы, даже десятилетия, как между разработками К. Циолковского и С. Королева. Однако прикладное, практически воплощенное и используемое знание и технические достижения представляют собой именно то самое стремление к сближению знания и практики, которое блокирует дальнейшее развитие. В будущее устремлены не технические новинки — они представляют достояние сегодняшнего дня, а именно фундаментальные достижения.

Даже в самые тяжелые и противоречивые периоды российской истории нового времени фундаментальное научное знание пользовалось вниманием и поддержкой со стороны государства и неизменным интересом общества. Именно благодаря этим «бесполезным» фундаментальным научным достижениям удалось совершить инновационный прорыв в технике и технологиях, обеспечивший СССР приоритеты в освоении космоса, энергетике, авиации и т.д. В свою очередь, ориентация на прикладную науку и «практически пригодное» знание, провозглашенная приоритетной в последние годы и ставшая основой реформирования российской науки, как раз оказывается неплодотворной в долгосрочной перспективе. Аналогично, понимание инноваций как товаров и технологий, позволяющих извлечь конкурентные преимущества из их новизны, недопустимо сужает представления об инновационном процессе как непрерывном обновлении знаний, социальных, культурных, хозяйственных практик. Инновационная деятельность представляет собой метадеятельность, ориентированную, прежде всего, не на конкретные продукты, а на трансформации самих способов жизнеустройства и функционирования в различных сферах жизнедеятельности общества, и фундаментальная наука, а не техника, представляет собой ее наиболее полное воплощение. Именно фундаментальная наука, согласно утверждению А.С. Панарина, обеспечивает «интеллектуальную и культурную

избыточность», запас «свободного», выходящего за рамки реальных практик знания, делающего возможным прогресс общества.

Для развития фундаментальной науки и для поддержания инновационных ориентаций в обществе необходимо опережающее развитие сферы образования. Связанные с ней социальные институты так же, как и наука, являются продуктом эпохи Просвещения, и также ориентированы, прежде всего, на ценность знания ради самого знания, а затем на его прикладные аспекты: классическое фундаментальное образование всегда ценилось выше «реального». Внедряемый в последние годы в ходе реформы высшего образования компетентностный подход нередко интерпретируется именно как ориентация учащихся на прикладное, практически применимое знание в противоположность фундаментальному, которое рассматривается как «лишний груз». Как мы уже показали выше, именно это «избыточное знание» становится источником движения вперед, источником инноваций. Однако стремятся ли к нему современные учащиеся? Данные социологических исследований свидетельствуют о том, что образование и профессионализм имеют в глазах молодежи (как и других социальных и возрастных групп) преимущественно инструментальную ценность. Стремление получить образование связано не столько с желанием приобрести знания и умения, способствующие развитию личности, самореализации в интересной профессии, сколько с ценностью «квалификационного ресурса», позволяющего занять высокодоходные экономические ниши. Процесс образования, получение знаний, развитие интеллекта, аналитических способностей, эрудиции представляет для молодых людей меньше интереса, чем результат, то есть получение диплома. Причем эти трансформации нередко рассматриваются не как патология развития, а как чуть ли не стратегический вектор.

Можно в связи с этим вспомнить и известное откровение бывшего министра образования РФ А. Фурсенко, который, выступая на всероссийском молодежном форуме «Селигер-2007», посетовал на оставшуюся с советских времён «косную» систему, упорно пытающуюся «готовить человека-творца»,

то есть инноватора. Нынешняя задача, по его мнению, состоит в подготовке «квалифицированного потребителя, который сможет правильно использовать достижения и технологии, разработанные другими». Таким образом, сам Фурсенко отчетливо сформулировал тенденцию трансформации института образования как отказ от инновативности и креативности, максимальный прагматизм и утилитаризм. Отсюда и рост инструментальных ориентаций в отношении получаемых знаний, попытки их разделения на «нужные» и «излишние». Показательно, что для современной России при провозглашенном курсе на инновационное развитие серьезной проблемой является нежелание молодежи заниматься научными исследованиями. В ФЦП «Молодежь России» на 2011– 2015 гг. отмечается, что «нарастание формальных показателей, отражающих интенсификацию работы по подготовке новых научных кадров (численность аспирантов во всех отраслях науки в период с 1995 по 2006 год увеличилась с 62 317 человек до 146 111 человек), сопровождается сокращением числа исследователей (в период с 1995 по 2006 годы число исследователей сократилось с 518 690 до 388 939 человек)». Это свидетельствует не только о непопулярности профессии ученого и отсутствии интереса к науке, а также об использовании ученой степени в качестве символического капитала в сферах профессиональной деятельности, не связанных с наукой.

Выдвинутый А.С. Панариным тезис о необходимости продления времени образования как жизненного этапа, свободного от практических забот и полностью ориентированного на познание и саморазвитие, остается верен для весьма ограниченной группы молодежи, сохраняющей ценность знания в качестве терминальной. Для большинства в условиях описанных ценностных и институциональных трансформаций, во-первых, несмотря на продление времени образования (с прежних пяти до шести лет в вузе, с десяти до одиннадцати, а возможно, и двенадцати, в средней школе), реальное время, отдаваемое молодежью учебе, сокращается. Это происходит из-за того, что современные работодатели отдают предпочтение претендентам, имеющим стаж

и опыт работы по сравнению с выпускниками учебных заведений, имеющими отличные оценки. Поэтому большинство студентов предпочитают совмещать учебу с работой, что приводит к фактическому обесцениванию образовательного процесса в их системе приоритетов, а также к фактическому сокращению чистого времени обучения. Во-вторых, институты образования в современном обществе создают условия для инфантилизации молодежи, поскольку помещают ее в социальную нишу «структурированной безответственности» (Т. Парсонс). Длительное пребывание в учебных заведениях без полной самоотдачи в учебном процессе позволяют молодым людям отложить на неопределенный срок принятие на себя всей полноты ответственности за собственную жизнь и свой выбор, за результаты своей деятельности.

Мой опыт свидетельствует о том, что учеба в аспирантуре, особенно очной, оказывается привлекательной для молодых людей потому, что существенно продлевает период «ученичества», позволяет отсрочить самостоятельную творческую и профессиональную деятельность, требующую серьезной ответственности за ее результаты. Описанные институциональные и ценностные трансформации противоречат потребностям именно современного информационного общества, специфика которого, как известно, состоит в быстром устаревании знания, а также и в значительных колебаниях рынка труда. В этих условиях получаемое молодыми людьми образование должно быть направлено не столько на приобретение ограниченного объема конкретных «полезных», «практически применимых» навыков и информации, сколько на обучение самому умению учиться, созданию компетентностной базы не как ограниченного объема практически ориентированных знаний и навыков, а как предпосылки для дальнейшего повышения квалификации и ее быстрой смены при возникновении такой необходимости.

Таким образом, можно утверждать, что происходящие институциональные и ценностные трансформации в сфере науки и образования в нашем обществе не создают предпосылок для инновационного развития, а,

скорее, препятствуют ему. Рынок и бизнес в России: институты инновационного развития экономики или препятствия для него? В Западной Европе на рубеже Нового времени именно капиталистическое предпринимательство и рынок стали социально-экономическими институтами, способствующими производству и внедрению хозяйственных инноваций. Традиционное хозяйство, основанное, преимущественно, на автаркии и перераспределении, не создавало предпосылок для выхода за сложившиеся пределы потребления, а поэтому не способствовало обновлению как самого производства, так и производимых продуктов. Развитие рынка и превращение его в определяющую форму социальной интеграции хозяйства породило разрыв между производством, ориентированным теперь не на потребление, а на извлечение прибылей из обмена, и реальной востребованностью продукта. Этот разрыв привел к росту неопределенности результатов хозяйственной деятельности, к необходимости постоянного обновления хозяйственных практик, ориентированного на поиск «иначе возможного». Таким образом, именно рынок и бизнес являются институтами, способствующими инновационной деятельности. Не случайно одним из основоположников теории инноваций стал экономист Й. Шумпетер, рассматривавший сущность предпринимательства как создание новых комбинаций факторов производства в целях извлечения прибыли, «созидательное разрушение» старого ради постоянного обновления. Однако всегда ли рынок способствует инновационному развитию, и выполняют ли свои инновационные функции рынок и бизнес в современной России? Шумпетер показывает, что инновационная деятельность предпринимателей является на рынке достаточно редкой социальной ролью, исполнение которой приводит к выходу за рамки сложившегося хозяйственного «кругооборота».

В целом же действующие на рынке предприниматели стремятся к устойчивому воспроизводству уже проверенных эффективных практик, а не к принятию ответственности за риски и неопределенность, следующие за внедрением инновации. Рынок как форма хозяйства, ориентированная на

извлечение прибыли из денежного обмена по своей сути амбивалентен в отношении инноваций, т.е. может как способствовать им, так их и блокировать. Второе происходит чаще, поскольку инновационное предпринимательство всегда сопряжено с повышенными рисками. Кроме того, извлечение прибыли из рыночного обмена возможно не только за счет инноваций, но благодаря привлечению ресурсов другого рода — например, повышению нормы эксплуатации, монополизации, ограничениям конкуренции и т.д. Чем больше возможностей для использования внеэкономических ресурсов для обретения конкурентных преимуществ, тем меньше рынок будет способствовать инновационной активности предпринимателей. По данным социологов, лишь 21% российских респондентов разделяют мнение, что компания, не производящая инноваций не сможет уцелеть на рынке, в то время как в Западной Европе с этим согласны, в среднем, 40% респондентов (до 65% в Финляндии) 12. Не следует, однако спешить делать вывод о непонимании россиянами роли инноваций в экономике.

Представляется, что здесь дело не в недооценке конкурентных преимуществ, создаваемых внедрением инноваций. Просто наш опыт свидетельствует о том, что могут прекрасно себя чувствовать и компании, ничего не инвестирующие в инновационное развитие, но получающие рыночные преференции за счет монополизации, доступа к финансам, к административным ресурсам, связей с государственными структурами или конкретными чиновниками и т.д.

Проблемой современной российской социально-экономической системы является такое устройство ее институтов, которое позволяет получать незаслуженные доходы вне реального вклада в экономику. Возможность получения таких доходов создает у субъектов хозяйственной деятельности ориентации вовсе не на инновационное развитие, а на получение ренты за счет различных форм непродуктивной деятельности.

Таким образом, реальный российский рынок и предпринимательство как сложившаяся система институтов не мотивирует инновационное поведение

участников. Более того, как отмечает А.С. Панарин, вследствие ориентации на немедленную рентабельность блокируются сложные виды деятельности, прибыль от которых отсрочена: «Мишенью рынка оказались, вопреки тому, что можно было предполагать, не носители примитива, а в первую очередь носители наиболее перспективных и рафинированных видов опыта, которые в силу самой своей сложности труднее переводятся на язык бухгалтерской ведомости». Серьезнейшей проблемой для современной России, в первую очередь для инновационного развития экономики, стал декавалификация рабочей силы, деградация человеческого капитала, произошедшая после рыночных преобразований. Она была вызвана закрытием и перепрофилированием высокосложных современных производств, в особенности в области машиностроения, электроники и т.д., оказавшихся нерентабельными.

Более того, исследователи приходят к выводу, что сложившийся в современной России тип экономических отношений «тормозит развитие производительных сил», то есть не только не стимулирует рост инновативности, но и способствует относительной декавалификации, причем как среди рабочих и обслуживающего персонала, так и среди управляющего звена. Многие из существующих форм занятости не ориентированы на повышения уровня современных навыков и умений и способствуют архаизации труда. Несмотря на постоянно повторяемые на самом высоком уровне мантры об информатизации и компьютеризации, среди рабочих в профессиональных целях постоянно или хотя бы иногда пользуется компьютером лишь 13%, в целом 58% работающих россиян не используют навыки работы на компьютере. При этом регулярное повышение квалификации пока не стало нормой для российских работников, значительная часть которых довольствуются имеющимися навыками, и не связывают с их обновлением свой профессиональный рост. Скорее всего, это происходит не столько по причине лени и отсутствия стремления к развитию, а в силу отсутствия востребованности высокой квалификации на современном российском рынке труда. Так, по сравнению с

советским периодом (1981–1982 гг.) к 2008 году в 1,6 раза (с 57% до 36%) снизилась доля людей, чьи знания, способности, возможности соответствуют выполняемой работе, а число тех, чья профессиональная квалификация и творческий потенциал не востребованы на работе, выросло в 2,4 раза¹⁶.

Если принять во внимание мировой опыт, который говорит о том, что значительная часть инновационных рационализаторских предложений на производствах исходит непосредственно от рабочих, то существующее положение дел свидетельствует об отсутствии значимых предпосылок для инновационного развития в ближайшее время. Для прорыва России необходимы институциональные трансформации, которые не только повысят реальную привлекательность инновационной деятельности для значительной части трудящихся и работодателей (развитие финансирования, налоговые льготы и т.д.), но и при этом минимизируют доступность незаслуженных доходов для бизнеса.

Трансформации досуговых практик как препятствие для инновационного развития

Об укорененности в русской культуре мотивации инновационного мышления свидетельствует присутствие в ней архетипа «Левши» — изобретателя- самородка, способного преобразовать существующие рутинные практики ради самого удовольствия от творчества. Однако их развитию препятствовала косность среды, отторгающей новшества. В советское время инноватору противостоял бюрократ, давящий инициативу равнодушием и формализмом. И в настоящее время это противоречие не только не преодолено, но и получило новые векторы развития. Одним из главных факторов, тормозящих развитие инноваций и инновативности в современной России, является упрощение и архаизация социальных практик, с помощью которых на массовых уровнях происходит адаптация к усложнению и ускорению социальных процессов.

Упрощенные практики становятся ответом на вызовы сложности, который позволяют осуществлять организацию социальной жизни на массовом

уровне, удовлетворяя потребность людей в предсказуемости и повторяемости, в однозначных рациональных интерпретациях происходящего. Они позволяют формировать и воспроизводить относительно устойчивые параметры порядка, создают ощущение стабильности и безопасности в условиях растущих рисков. Однако социокультурная амбивалентность упрощенных социальных практик состоит в том, что они сводят необходимое многообразие форм социальной адаптации, требуемых сложным обществом, к простейшим шаблонным действиям, не позволяют социальным акторам развивать инновативность и самоорганизацию. Вместо активного социального творчества люди возвращаются к зависимости от решений, принятых другими — органами власти, политическими лидерами и партиями, лидерами общественного мнения и т.д. По данным Института социологии РАН, «жить в более справедливом и разумно устроенном обществе» мечтает 33% респондентов, однако быть полезным обществу, внести «свою лепту» в развитие России — лишь 11%¹⁷. Приходится отметить, что в современной России все более характерным становится уход в быт, в потребительство, пассивность, отсутствие «больших проектов», которые могли бы мобилизовать творческую инициативу.

Среди идеалов россиян лидирует мечта «жить в достатке, иметь возможность тратить деньги, не считая копейки» — ей предаются 40% респондентов. В то же время, о хорошем образовании мечтают лишь 12%, о собственном деле — 15%, только 7% мечтает устроиться на хорошую работу, и всего 4% — заслужить известность и уважение.

А.С. Панарин придавал большое значение досугу как времени «формирования человеческой личности», «внеутилитарного пользования продуктами культуры». Именно в цивилизованных формах досуга раскрывается самоценность культурного творчества, наращиваются интеллектуальный потенциал и навыки, которые именно благодаря своему неутилитарному характеру способствуют открытию «иначе возможного». Но для того, чтобы досуг выполнял функцию развития человеческого потенциала, он должен быть содержательным, а не сводиться к архаичным формам отдыха как простого

«ничего неделания»), и не расходоваться на выполнение рутинной домашней работы.

Социальные мыслители XX века предполагали, что рост сложности общества, в особенности появление новых форм высококвалифицированного труда в информационной сфере, в XXI в. должны способствовать и распространению более сложных форм досуга, ибо высокоинтеллектуальные работники нуждаются в соответствующих формах рекреации. Однако в реальном обществе высоких информационных технологий и сложных социальных процессов приходится констатировать стабильное массовое воспроизводство пассивных форм домашнего досуга как «просто отдыха» (49% по данным 2012 г.), а также работы по дому (47% в 2012 г.). В то же время, не наблюдается роста сложных современных, внедомашних форм досуга и досуга-участия, ориентированного на развитие человеческого капитала, — участия в работе общественных организаций, получения дополнительного образования, посещения клубов по интересам и т.п.. Исследователь российской повседневности А.А. Возьмитель отмечает, что в постсоветской России происходит сокращение высокоразвитых форм досуга по сравнению с советским периодом. Тогда ставилась и решалась задача приобщения широких масс к активному культурному творчеству, в том числе за счет распространения активных содержательных форм досуга. Например, доля занимающихся самодеятельным творчеством в 2008 году по сравнению с 1981–1982 гг. сократилась в два раза, а тех, кто предаётся отдыху-безделью, выросла в 1,8 раз. При этом за тот же период выросла в 8,5 раз доля занятых в свободное время работой для дополнительного заработка, что свидетельствует о фактическом сокращении объема свободного времени для значительной части населения. Более того, по оценкам социологов, повышается роль и значение «контркультурных форм досуга, приводящих к деформации внутреннего мира, социальных и психических свойств личности: искаженного алкоголем общения, паразитического безделья и пустого времяпрепровождения в ночных клубах и других подобных заведениях, предполагающих потребление алкоголя». Таким

образом, свободное время как ресурс развития человеческого капитала, повышения творческого и инновационного потенциала общества, в настоящее время не только не использован в полной мере, но и происходящие в постсоветский период трансформации досуговой деятельности россиян контрпродуктивны для инновационного развития.

Социокультурные и цивилизационные перспективы инновационного развития России. Россия является сложным, динамично развивающимся обществом, перспективы которого в современном мире во многом зависят от его способности мобилизовать инновационный потенциал. Как мы показали выше, постсоветские трансформации институциональной и социокультурной базы национальной инновационной системы не способствуют, а, скорее, препятствуют ее развитию. Есть ли у России инновационный потенциал, который можно реализовать и мобилизовать для экономического роста? Представляется, что такой потенциал заключается специфике России, ее цивилизационных особенностях.

Россия в цивилизационном плане представляет собой очень сложное общество, которое невозможно свести к каким-либо однозначным и однородным основаниям. Особенность России как цивилизации состоит в ее статусе держателя евразийского Хартленда, призванного находить высшие основания для интеграции разнородных социальных и культурных образований и генерализации присущих им ценностных и идейных образцов. В плюрализме истоков и движущих сил развития российской цивилизации, в его духовной, идейной, нравственной напряженности видится, прежде всего, основные цивилизационные предпосылки инновационности. Можно согласиться с А.С. Панариным, что для того, чтобы сохранить экологическую, социальную, культурную, человеческую среду, требуется гораздо более фундаментальное знание, чем для их утилитарного использования. В этих условиях важнейшим и действительно уникальным ресурсом развития России является присущая нашей культуре живая озабоченность судьбой страны и мира, порождающая

гуманистически ориентированное «сберегающее знание», единственно способное дать ответ на глобальные вызовы современности.

Литература

1 Шувалова О.Р. Индикаторы инновационного климата в России (по итогам массовых опросов населения // Форсайт. 2010. Т. 4. № 1. С. 41.

2 См.: Schwartz S.H., Bardi A. Value Hierarchies Across Cultures: Taking a Similarities Perspective // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2001. Vol. 32. P. 268–290.

3 См.: Ясин Е.Г., Лебедева Н.М. Культура и инновации. К постановке проблемы... С. 20; Лебедева Н.М. Ценности и отношение к инновациям российских и канадских студентов. // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 110–121.

4 Ясин Е.Г., Лебедева Н.М. Культура и инновации. К постановке проблемы // Форсайт. 2009. № 2 (10). С. 17; Лебедева Н.М. Ценности культуры, экономические установки и отношение к инновациям в России // Журнал ГУ-ВШЭ «Психология». 2008. Т. 5. № 2. С. 68–88.

5 Ясин Е.Г., Лебедева Н.М. Культура и инновации. К постановке проблемы // Форсайт. 2009. № 2 (10). С. 17.

6 Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. С. 428.

7 Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 1. М.: ИНИОН, 1991. С. 30; Э. Фромм. Человек для самого себя. Минск: Харвест, 2003. С. 61.

8 Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. С. 429–430.

9 Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 713.

10 См.: Зубок Ю.А. Проблемы риска в социологии молодежи. М.: Изд-во Московской гуманитарно-социальной академии. 2003. С. 37–38; Готово ли Российское общество к модернизации? Аналитический доклад. М.: ИС РАН,

2010, С. 57–58; Зоркая Н. Современная молодежь: к проблеме «дефектной» социализации // Вестник общественного мнения. 2008. № 4 (96). С. 15, 19.

11 Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007. С. 132–133.

12 Шувалова О.Р. Индикаторы инновационного климата в России (по итогам массовых опросов населения) // Форсайт. 2010. Т. 4. № 1. С. 40–41.

13 См.: Даниленко Л.Н. Феномен рентоориентированного поведения в институциональном аспекте // Мир России. 2013. Т. 22. № 3. С. 35–59.

14 Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. С. 434.

15 Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2010. С. 72–73.

16 Возьмитель А.А. Образ жизни: тенденции и характер изменений в пореформенной России. М.: ИС РАН, 2012. С. 69–70.

17 О чем мечтают россияне. Идеал и реальность. М.: Весь мир, 2013. С. 23.

18 О чем мечтают россияне. Идеал и реальность. М.: Весь мир, 2013. С. 23.

19 Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. С. 432.

20 См.: Нэбитт Дж., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции: Год 2000. М., 1992.

21 О чем мечтают россияне. Идеал и реальность. М.: Весь мир, 2013. С. 222.

22 Возьмитель А.А. Образ жизни: тенденции и характер изменений в пореформенной России. М.: ИС РАН, 2012. С. 89.

23 Возьмитель А.А. Образ жизни: тенденции и характер изменений в пореформенной России. М.: ИС РАН, 2012. С. 93.

24 Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. С. 444.

25 Терентьева В.И. МАССОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ И ФИЛОСОФСКИЕ РАССУЖДЕНИЯ НА ТЕМУ ДОБРА И ЗЛА, КОНФЛИКТА, БЛАГОГО ЗАМЫСЛА ВСЕЛЕННОЙ // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. – 2014. – № 12; URL: vsoa.esrae.ru/177-794

26. Терентьева В.И. ВСЕМИРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЮНЕСКО, НАШ ВКЛАД // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. – 2014. – № 14; URL: vsoa.esrae.ru/180-840

Статья издана в Сб. «Панаринские чтения», 2016 г.